

Книгами о войне в России никого не удивишь. Особенно сейчас, когда на тернистую писательскую тропу вышли полчища пиратов от лёгкой словесной поживы. Полки пестрят обложками с кровавыми кляксами и броскими заголовками. Батальную музу пытаются взнудать литературные негры и отчаянные подёнщики. Каждая битва имеет своих бытописателей. Как профессионалов, так и безалаберных, по подходам и манерам, любителей. Одни на память потомкам оставляют «Слово о полку Игореве», «Севастопольские рассказы», «Войну и мир», «Тихий Дон», а другие – залежи макулатуры. Последних сразу отсечём от рецензии. К чему нам осетрина второй свежести. Целые две эпопеи о русской войне уже написаны. Читатель живёт в предчувствии третьей. Ждёт нового крупного мастера. С особым гуманным взглядом, чтобы тому не мешал ни артиллерийский прицел, ни танковый триплекс. Более уместен не кадровый вояка, а офицер-интеллигент. Например, доктор. Смотрящий на битву чуть-чуть сбоку. Не мнящий себя героем, по-руставелевски видя бой со стороны. Военврач скорее познает его изнутри. Намного глубже, чем, скажем, командующий армией, которому подавай оперативный простор, а не операционную. Доктор в лазарете шевельнёт одним пальцем не туда, и – пиши пропало! Он и пером будет водить осторожно, как скальпелем. Знает – что такое судьба конкретного человека. Генералу часто неведомая. У лампас иные функции.

Уместно здесь вспомнить врачей-писателей Чехова и Вересаева. Антон Павлович вообще классик. Как и Михаил Булгаков, оставивший помимо «Записок врача» умопомрачительные вещи типа «Мастера и Маргариты», к чему мы благодаря творчеству Александра Лобанова ещё вернёмся.

А пока перед нами книга, о которой, Бог даст, будут говорить так же основательно, как и о сочинениях Толстого и Шолохова, Куприна и Чехова, и всё того же Михаила Афанасьевича. Рассказы и повести нашего автора иногда вплотную пристыкованы к булгаковским потусторонним творениям. Они примыкают и ко всей классической отечественной литературе, являясь прямым её продолжением в 21-м веке.

Публикации Александра Александровича Лобанова – уже сегодня прозаические вершины, за которыми в отдалении блистают пики совершенства. Лучший в стране журнал «Наш современник»,

где писателя часто печатают и где очень хорошо отзываются о его прозе, дал ему путёвку в большую литературу. Некоторые лобановские вещи уже известны. Например, рассказ «Четыре точки». С другими России и русскому миру предстоит познакомиться. Тут, несомненно, поможет исследуемая книга. Север, в силу своей замороженности, всегда осторожен в оценках, в чём его крайняя слабость. Он не спешит всерьёз, да и не умеет говорить о новых талантах, раскрывающихся на здешних широтах. Недаром автор в одной из повестей называет его болезненным и равнодушным. Я к тому, что в Республике Коми, где прозаик нынче живёт, писателя знают значительно меньше, чем в центральной России. Прошлым летом, например, Лобанов после публикации в «НС» стал получать письма от старого русского интеллигента из Нижегородской губернии, где благодарный почитатель прямо сравнивает адресата с нынешними корифеями словесности. Впрочем, имя Александра Лобанова не нуждается в возвеличении или замалчивании. Это уже состоявшееся общественное явление, которое дальновидным людям следует принять как должное.

Начать аналитическую часть рецензии можно и с тематики, и с героев, и с жанровых особенностей, и с переполненной психологическими пластами композиции, и с самого языка. Освоить все премудрости ещё предстоит литературоведам. Моя задача скромнее, но всё ценное и важное хотелось бы обозначить сразу. Перед нами многослойная, всё более дающая о себе знать проза. В ней разные поколения героев живут одновременно. В творчестве Лобанова нет понятия Времени как физической величины. События сосредоточены на некоей географической точке, откуда хорошо видны настоящее, прошлое и будущее, обгоняющие наперегонки друг друга. Приблизительно так можно трактовать и объяснение тайны мироустройства, которую втолковывает душа фронтовика Карпея деревенскому мальчишке Шурке, прикорнувшему на кладбище.

Язык А. Лобанова совершенно новый. Плотный, сочный, задорный, живописно-величавый и насмешливо-радостный, с наплавом потусторонности, уходящей то в народные глубины орловской Колгановки, откуда отцовские корни прозаика и целого клана персонажей, то в говоры северных промысловиков, местных и приезжих, то в густую, с красным перцем, речь хохлов и молдаван, героев самобытных приднестровских полотен, развешенных автором по горницам очень русской книжки. Язык окунается и в науку, почти ничего не объясняющую, и в парапсихологию, объясняющую, кажется, всё, но ещё более картину запутывающую. Александр Лобанов именно в запредельном пространстве находит наибольшую реалистичность, в которой обитают его герои. Я бы назвал это житием, не будь их странствия и поступки густо пронизаны земными страстями, граничащими с пороками.

Яркая иллюстрация посылка – рассказ «Наваждение». Написан, несомненно, под воздействием «булгакиады». Та же нехорошая квартира с бабушкой Клавдией Ивановной, превращающейся в ужасную медведицу. Раздвоенная Маргарита с доброй и злой ипостасями (Надежда Николаевна). Таксист Митя Сергеев, вляпанный нечистой силой в мистическую кашу, так и зовёт возлюбленную – Марго. Тот же чёрный матёрый котяра, ловко маскирующийся под белого котика, но не забывающий устрашающе промяукать: «Щас, милок». Ну и, конечно, Воланд – Арнольд Митрофанович. Довольно странный субъект, весь набыченный, наутюженный, держащий в коммерческой кабале Митин город, но сам неизвестно чего боящийся. Даже не ужинает в одном и том же ресторане. Играет в прятки с собственными подопечными – лихой компашкой уродов, в воде не тонущих и в огне не горящих. Арнольд вездесущ. Мы видим его и в форме полковника колонии, и в образе монстра с какими-то ужасными биолучами.

Дьявольскую свору побеждает бывший спецназовец Дмитрий Сергеев. На срочной он хотел стать кадровым офицером, но раздумал. Слишком уж нагло «пуляли» в него и сослуживцев из деревянных ружей чеченские подростки, обещая вырасти в бородатых боевиков. Да и комиссовали бойца, отвлывшегося в госпитале после подрыва их БТЭРа на заложенном фугасе. Зато навыки, да и сама форма пригодились на гражданке, развёрнутой в огромный фронт борьбы нуворишей, набобов, пузанов и просто богатеньких. А поднаторевшие в конфликтах профи нередко подались в их подмастерья.

Автор даёт понять, что описанные события были вроде не на самом деле, а существуют только в искривлённом сознании жертвы локальной войны. Умудрённые медики ломают голову над Митиными болячками и хотят отправить его на обследование в Москву. Скоро всё общество придётся протащить через клинику. Не о том ли грустно намекает писатель. Фабула позволяет увидеть Митю в параллельном пространстве. Там таксист вполне охотно служит за крупные гонорары чёрным силам. Возит в пакетах наличку в нехорошую квартиру. Гоняет чай с подозрительной бабулей. Ему с некоторыми оговорками нравится такая жизнь. До поры до времени. Да и «Мастер и Маргарита»

писана «как будто про него самого». Не зря в конце рассказа Надежда Николаевна, превратившись в учительницу гимназии, дарит ему романтическим способом именно этот постсоветский бестселлер.

В чём дело? «Неужто мы все такие?!» – хочется воскликнуть, окунувшись в «Наваждение». Капитализм ломает, заставляя служить большим и малым арнольдам. Где же выход?

«А вы бы покрестились в церкви, Геннадий Николаевич», – советует своему спасителю Савватееву буфетчик пассажирского теплохода «Юшар», на котором разбитой служителем общепита чуть не погиб, когда судно напоролось на мель, не поспеши на помощь бригада военных. Прямо на корабле эскулап сделал ему блестящую операцию. Вот и свела Северная Двина доктора и пациента снова, как две половинки яблока атеистического раздора. Теперь второй пытается позаботиться о душе благодетеля. «А в нашей стране Бога-то нет», – как-то неуверенно сопротивляется капитан-медик.

Вот один из главных оселков, на которых Александр Лобанов затачивает свои сюжеты: с кем ты, мой герой? С небесами или слугами Князя мира сего? И неважно, в каком чине – младшего лейтенанта или генерала, колхозного бригадира или начальника колонии, медсестры Гидролошадки из военной психушки или фельдшерицы Гали Нечаевой, пожертвовавшей собой из-за безумной бабки. А может, простой крестьянки Пелагеи, так и не дождавшейся внука из тюрьмы. Или тираспольского извозчика Василия Петровича, взявшего в руки автомат, чтобы защитить от румынских диверсантов иностранную миссию, которую он вёз за триста баксов к линии фронта. Или егеря заповедника дядю Жору, получеловека-полулешего, обладающего паранормальными способностями, вставшего вместе с майором-пограничником на сторону добра и готового убить своего брата, связавшегося с отребьем, создавшим особую «курортную» зону.

«Небесные колокольчики» – не чисто военная книга, по законам жанра набитая оловянными солдатиками и клубами порохового дыма. Чего-чего, а глуповатых вояк даже индифферентный к службе читатель тут не узрит. Хотя без подлецов, конечно, не обойдёшься. В основном политрабтников. Незабвенных замполитов автор явно не жалует. Как не жаловал их в своё время маршал Жуков.

Какой-то странный народец вырисовывается: от полных психов до без пяти минут предателей, наподобие алкаша-подполковника из приднестровской гвардии. Но и среди сей братии Лобанов умеет отыскать добрые человеческие начала. Хотя именно идеологические бойцы сделали всё, чтобы герой «Четырёх точек» Виктор Бутырцев в самый последний момент отказался вступать в загнивающую партию. Зачем, мол, я буду там номенклатурным роботом.

Герои Лобанова – строевые офицеры и прапорщики, сержанты и рядовые. В первую очередь, конечно, офицеры. Профессиональные труженики ратного дела. Выполняют его легко и споро. Будто пашню поднимают плужком, не забывая влюбляться, сибаритствовать в минуты отдыха и тонко философствовать за рюмкой, выводя извечные темы вина и женщин на метафизический уровень. В длинном ряду – вояка до мозга костей Павел Титаренко, умеющий воспитывать и словцом, и резиновой палкой расхोлившихся «жеребцов», а с другой – обаятельный капитан Алексей Богатырьков из «Миссии», постоянно совмещающий полезное с приятным. Этакий современный гусар, с ходу бросающийся и в бой, и в любовь. Самый чудесный материал, из которого состояла Советская армия.

В особом ряду образ майора-пограничника Крикливого из рассказа «День, неделя, месяц, жизнь». Человека уютного, жизнерадостного, не пропускающего счастливого момента расслабиться и от души порадоваться шикарному столу где-нибудь на заимке. Умеющего от души восхищаться людьми: «Дядя Жора, я тебя обожаю». Добродушно посмеивающегося над солдатом-татаринцем, попавшему с ним же в не очень весёлое и во всех смыслах странное приключение. Но в грозный момент Крикливый, не задумываясь, вступает в бой с бандитами, пытаясь отбить у них своего незадачливого водителя. Делает это профессионально и с особым азартом. Профи, одним словом. Так же убедителен он и при разгроме браконьерского логова, забитого награбленным на приисках золотом.

Интересен образ Виктора Бутырцева, прекрасного инженера и воспитателя, перешагнувшего через обиды и возвратившегося в армию после окончания мединститута. Шефом психушки, где его некогда учили уму-разуму сульфазиним. Встретили старого знакомого с радостью. А медсестра Зоя, с удовольствием коловшая скрученному пациенту эту знатную гадость, до которой не додумалось и гестапо, за него даже замуж пошла. Чего пропадать-то хорошему мужику.

Грешно умолчать о гениально выписанных батальных сценах в повести «Небесные колокольчики». Это бой танкового экипажа младшего лейтенанта Виктора Першина, оказавшегося во вражеском тылу, и рукопашная схватка на позициях минной батареи капитана Романа Лебедева. Между двумя событиями полвека. Герои двух войн, Отечественной и локальной, по сути, ничем не отличаются

друг от друга. Тот же русский непобедимый характер. Та же любовь к Родине и к Женщине. Не важно – к Любушке из Колгановки или к Ольге из Тирасполя. Важно, что внук водителя танка Степана Лебедева миномётчик Роман Лебедев столь же бесстрашен и рассудочно-холоден в минуту испытания, как и дед, погибший под Минском. Это в нём, подчёркивает писатель, говорит дедова генная память, проявляясь целыми кинороликами из большой войны.

В книге читатель найдёт все уровни русского офицерского корпуса, который в целом настолько человечен, что порой задумываешься, а к месту ли ему китель и прочая амуниция? Может, многим лучше носить гражданский костюм. Хотя новая русская армия как никогда сегодня нуждается в лобановских героях. Особенно таких, как капитаны Роман Лебедев и Виктор Бутырцев, прапорщик Сиволоб, старшина Сергеев и сержант Виктор Черненко. Роман и Виктор очень здорово напоминают самого автора, кадрового офицера, чья планида во многом совпадает с судьбами его литературных персонажей. Проза А. Лобанова, продравшись сквозь страшный период развала армии в 90-х, смогла снова стать в строй. Начистить, как пуговицы мундира, литые строчки и пройти парадным расчётом перед новой Россией.

Перед нами кадровые офицеры. Гарнизонные и окопные, штабные и «комиссаристые», служаки и карьеристы. Честные и порядочные, пажоны и подломленные службой, как облучённый капитан Чижиков, болтающийся по Плесецку с гармошкой в поисках скандала. Они отдалённо напоминают купринских героев, но имеют несоизмеримо больший запас нравственной прочности. Автор показывает и бравость их, и браваду. Он, закрывая глаза на общечеловеческие грешки, откровенно любит: «Ну, прямо-таки царская гвардия». Так патетически заканчивается повесть «На Белом море», главное достоинство которой – отсутствие недостатков. Она блистает и пейзажем, и ненецким колоритом, и лёгкой улыбкой, и восторгом, и неподражаемой лобановской поэзией в прозе. Стоит только вчитаться в страницы рождения нового человека. Его в прямом смысле оружейным салютом приветствует счастливый бесшабашный отец, твёрдо верящий, что военный доктор по благу, за сёмгу и водку, способен принять на свет божий именно заказанного ему пацана. Девка-то зачем в тундре. На охоту с ней не пойдёшь, однако. А тут доктор, говорят, колдун. Кого хошь поможет родить.

Вот мы и подошли к главному герою книги. Писатель Александр Лобанов не мог не поставить во главу угла своего коллегу – военного врача. Капитаны Геннадий Савватеев и Евгений Барбулат – ипостаси одной литературной личности. В чём-то, наверное, самого автора. В чём-то – гарнизонных докторов и докторишек, которые лечат и солдатиков, и окрестное гражданское население, и в наряды исправно ходят. Сначала ведь они офицеры, украшенные малиновыми петлицами с золотыми змейками. Судьбы обоих связаны с Севером, поражающим читателя своим космизмом. С одной стороны – бескрайние тайга и тундра, выписанные тончайшим лириком и психологом Лобановым. С другой – служба на Плесецком космодроме, его дальних полигонах. Геннадий и Евгений не столь медики, сколь целители душевных ран. В некотором роде олицетворение той непознанной силы нашего духа, что считается на Западе загадкой русской души. Лекари в старинном смысле слова, по-настоящему любящие людей, даже откровенных прохиндеев. Оба гордятся службой, умеют ладить с людьми, но не преминут дерзнуть начальству, вставшему поперёк горла. Тому же начштаба беломорскому, который потом, дорвавшись до командирской власти, быстро снизведёт отличную часть до посредственной. Доктора заранее чуют гнильцу и пытаются предотвратить полураспад, как и любую болезнь. Это не мальчишеское хулиганство с вызывающими пометами в конспектах политзанятий, допускаемое уставшими от скуки остряками, а осознанная борьба с казарменным фанфаронством, нередко приводящим к беде. Картинок ко всем посылам в книге полно. Пусть лёгкий остракизм и граничит с нарушением субординации. Разве великий Пирогов всегда слушал придурков от инфантерии?

Какой бы мирной профессией не числилась медицина, военврачи тоже погибают. Евгений Барбулат сменил сгоревшего при взрыве на старте ракеты Сергея Струкова, привыкшего дотошно карабкаться чуть ли не по фермам, облепившим зелёный «карандаш», дабы быть уверенным в здоровье групп обслуживания. На самый передовой рубеж, как принято было писать в советских газетах, космический, вывел Александр Лобанов своих героев в повестях «На Белом море» и «Письмо другу». Соответствуют ли Савватеев и Барбулат своему предназначению в самых державных войсках? Думаю, да. Прежде всего, человечностью и глубокомыслием. Умением видеть все пласты жизни одновременно. От их цепкого глаза не ускользает ни одна деталь. Особенно с мистическим окрасом. Посмотрите, как талантливо выписана связь природы и запуска очередного спутника, показанная через мироощущения Барбулата. Автор нащупывает формулы взаимодействия параллельных миров.

Служители Гиппократы в погонах умеют любить и быть любимыми. Знают силу дружбы и семейной жизни. Не ломаются от измены. Они почему-то магическим образом влияют на окружающих, приносящих им зло. Евгений это отлично чувствует, тщетно пытаясь разрубить пути такого воздействия. При всём благородны и полифоничны в чувствах, как и подобает настоящему русскому офицеру: «Врач слова выудил откуда-то из подсознания весьма удачные, ёмкие по своей внушаемости и прозорливости. Капитаны умолкли и только ресницами хлопали, не зная чем возразить».

В короткой рецензии нелегко отметить все лучшие качества военно-медицинского корпуса, чей гуманный и мужественный портрет с глубокой проработкой изобразил выпускник Куйбышевской военной академии врач А. Лобанов. Вполне профессиональны доктор из Плесецкого и иных госпиталей, так или иначе появляющиеся в повествовании.

Убедительны безымянные фронтовые фельдшера в «Небесных колокольчиках», смелые, ловкие, жалостливые и понятливые, врождённые дипломаты, по-братски заботливые. Из ряда немного выбивается фельдшерница Приднестровского батальона Наталья, да и то лишь необузданной страстью. Что поделаешь, самки в форме тоже встречаются на войне. Зато какой она мастер своего дела. И погибла героиней, спасая раненого гвардейца. По-своему симпатична немного садистичная медсестра Зоя из «Четырёх точек». Примеров вполне достаточно, чтобы поверить другу Барбулата Валерию Бравко, написавшему тому из армии, что докторов в войсках любят. Заметьте, как к обоим, Савватееву и Барбулату, льнут свои и чужие дети. Их-то не обманешь.

Вообще мне кажется, что лобановские медики лечат не конкретных пациентов, а саму Россию, пережившую один из самых трагичных в своей истории век. Теперь Родина снова задышала, как младенец, принятый после родов на руки Барбулатом в чистеньком медпункте, о чём тут же оповестил радиоэфир гигантского высокоширотного пространства, слабо заселённого сильными людьми. В основном приезжими, чьими руками и умами Север и превращён в могучий регион страны. Сам бы ни за что не поднялся. Кочующий, мало приспособленный для оседлой жизни. В книге всё это хорошо показано. С некоторой грустью по отношению к коренному населению, достаточно подпорченному благами цивилизации.

Тут мы подошли к весьма важной теме, намёки на которую разбросаны по всем произведениям Александра Лобанова. В наше странное толерантное время замалчивание её грозит немалыми неприятностями для Отечества. Речь идёт о межнациональных отношениях. Раскол Советского Союза. Дробление той же Молдавии. Иные конфликты на постсоветском пространстве. Многозначительный инцидент в Кондопоге. Разве этого мало, чтобы не прислушаться к авторитетному мнению. В том числе и писательскому. Когда бездарная медичка, не раз поставившая пациентов на грань смерти, в ответ на профессиональную критику прикрывается принадлежностью к нацменьшинству, за что, мол, всё прощается, то это страшно. По крайней мере для молодого геолога, чуть не умершего от диких процедур. Можно понять старика-оленевода, ругающего ракетчиков песцами облезлыми за загаженную упавшими ступенями тундру. Но никак не укладываются в голове поблажки на происхождение.

Такова уж участь малых народов – быть частью той или иной державы. В противном случае они начинают рассыпаться и враждовать между собой. Вся история конца прошлого и начала нынешнего века тому свидетельство. Приднестровье – лишь один из характерных конфликтов. Помню, как в 70-х на Украине в армии сквозь пальцы смотрели на откровенную наглость молдаван по отношению к другим солдатам. Через двадцать лет под Дубоссарами загрохотала гражданская война. Там было много точек преткновения. О них лучше всего скажут историки и новые книги нашего автора. Уже «Небесные колокольчики» – своеобразные осколки тех боёв. Чуть не в каждой лобановской вещи они зудят.

Лобанов привёл в литературу совершенно нового героя, настоящего гражданина 21-го века. Раскрепощённого. Мало связанного подгнившими идеологическими путями. В нём, конечно, ещё бродят подкисшие дрожжи марксизма-ленинизма, но уже засветилась надежда на нечто высшее, божественное. Писатель явно выше ходульных советских персонажей, однобоких и лукавых, чем-то похожих на резиновую дубинку комбата Титаренко.

У новых житей сразу в нескольких параллельных мирах. Одни там ищут истину. Другие – выгоду. Проявляются офицеры иного, не солдафонского, порядка. Блестяще образованные. Рассуждающие о книжках. Барбулат даже на старте ракеты не может оторваться от «Фаворита» в «Роман-газете». Издания, между прочим, почитаемого советской элитой. Военврачи уже знают о континууме времени. Я вот не знаю, но не хочу рыться в справочниках. Верю Александру Александровичу на слово. Может, оно и есть один из тайных кодов его творчества.

Любовь у новых героев какая-то концентрическая. Под стать Григорию Мелехову и Аксинье. Взять пары Романа и Ольги, Евгения и Светланы, Геннадия и Елены, Валерия и Светланы, Виктора и Зои. Карпей даже на том свете грустит о не доставшейся ему Любушке. «Хорошая у тебя мамка», – говорит его призрак безотцовщине Шурке, прикорнувшему вечером на кладбище. Памятны даже мимолётные, как вспышки выстрелов, связи в «Миссии». Правда, ранения от них зудят годами.

Лобановский герой не любит хождения вокруг да около. Бог так Бог. Нечисть так нечисть. Его занимает, почему молдавские коровы при советской власти жрут шоколадные конфеты, а русский деревенский мальчишка не может раз в жизни наестся пряников.

Могу ещё добавить, что новый герой в форме всё-таки немного добрее предшественников. Командир Божок велит лишь попутать хулиганов, рискнувших по пьянке из-за баб напасть на ракетную часть. Так, молодецкая забава. Кулаки почесать захотелось. Капитан Лебедев угощает спиртом чужого вестового, который только что чуть не застрелил его в командирском окопе. Как раньше, в городском парке. Лишь тумачами отделяются пленные румынские офицеры, подставившие под очередь юного приднестровского гвардейца Бляблина.

Выходит, нынешний человек, знающий про параллельные миры и разные континуумы, взрослея, становится добрее и осмотрительнее. Наверное, это и есть признаки выздоровления нации перед какими-то поворотными событиями, где на прочность будет проверяться каждая былинка.

У Лобанова многое неоднозначно. А в жизни однозначно? Чего же вы хотите от литературы. Пусть даже претендующей на классику. Рецептов нам не оставили ни «Война и мир», ни «Тихий Дон». Ни другие произведения про войну. Одни раздумья.

В книге, по крайней мере, видны тенденции. Уже после Отечественной в людях начала проявляться червоточинка. Злыми, как чертенята, стали пацаны, издевающиеся над инвалидом Карпешиком. Придётся им пройти через жуткие испытания, чтобы подобреть. Бригадир Егор Мартынов склоняет мать Шурки Лебедева, вдову фронтовика, к сожителю. За что по-библейски горит синим пламенем. Пока не приходит из тюрьмы поджигатель и заставляет Егора вселиться в осиротевшую лебедевскую хату. По завещанию, между прочим, той, которую Мартынов хотел опозорить. Из каждого угла на него ночами будет смотреть укор. Вот и разгадывай теперь русскую душу. Как она грех понимает и кару за него. Пойми, почему село средней полосы просит перед тюремным начальством за поджигателя Шурку и почему злые заводские активисты в Молдавии готовы живьём сожрать его же, толкового и честного работягу, лишь за одну глупую жалобу жены. Может, потому что она молдаванка? Грех мало-помалу поедает огромную страну, официально не признающую Небо, а всё более всматривающуюся в кривые национальные и мешанские зеркала.

Толковый Божок потому и любим начальством, что снабжает верхи красной рыбой, икрой и мехами. Не забывает бравый подполковник и себя, промышляя казённым бензином. У тундрового посёлка разбивается вертолёт, посланный за северным деликатесом для обладателей больших звёзд. Погибает солдат и в цинковом гробу отправляется к маме. Да и Геннадий Савватеев пытается купить песка, чтобы одарить мехом заезжих ревизоров. Вот они, элементы распада державы. Чего тогда удивляться, что первыми погибают розы в шахтёрской столице, как признак надвигающейся катастрофы. Описывая роскошные клумбы, автор роняет фразу, которую я и вынес в заголовок рецензии – магия свежей красоты. Пройдут годы, и выросшие персонажи, братья Владимир и Василий, став Героем Советского Союза и подающим надежды учёным, больше не увидят потрепанных бутонов. Прикажет долго жить спецтрест по озеленению. Закроют кафе «Арктика», сохранившее столько горняцких семей. Закроют и саму великую страну, чьи последние герои ползут на верхотуру террикона, чтобы хоть оттуда увидеть своё счастливое, как теперь окажется, детство.

Мечта-то о прекрасном никуда не делась ни у донецких братьев, ни у писателя Лобанова, выросшего в этом благодатном южном городе.

Вот и создал Александр Александрович гимн той эпохе, чутко уловив нюансы будущих времён. «Небесные колокольчики» – очень большая книга и о войне, и о мире. Но, надо признать, пока не третья в русской классике эпопея. Её предтеча. Сегодня можно только сказать, что именно Лобанов способен на этот литературный подвиг. Других прозаиков такой силы в России не видно. О чём со всей прямоотой и написал ему нижегородский почитатель, мудрый образованный старик. Житель тех мест, где некогда молился Серафим Саровский и провёл Болдинскую осень Александр Пушкин.